
ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

А. И. КОГАН

ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ В НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ КАШМИРА

В статье исследуется важная методологическая проблема, актуализированная в парадигмальных рамках социоестественной истории (СЕИ): как процессы формирования и трансформации этнической собственности на землю влияют на характер межэтнических отношений в соответствующем вмещающем ландшафте. На примере истории Кашмира XIII–XX вв. (Кашмирская долина, княжество Джамму и Кашмир) проводится анализ развития межнациональных и межконфессиональных конфликтов, происходивших вследствие нарушения естественных прав определенных этносов на их ландшафты. Целью исследования является выработка более глубокого понимания истоков и сущности Кашмирского конфликта, основанного на использовании современного исторического, историко-политического, этнографического и этноконфессионального знания принципиально нового уровня. Существование конфликта, согласно исследованию автора, определяется совокупностью исторически сложившихся и обострившихся в период британского владычества противоречий между конфессионально и этнически различными группами автохтонного населения Кашмира.

Ключевые слова: *социоестественная история (СЕИ), этнос, этничность, этническая собственность на землю, вмещающий ландшафт, естественное право, межэтнический конфликт, кашмирский вопрос, княжество Джамму и Кашмир, этногенез.*

К числу наиболее интересных проблем социоестественной истории (СЕИ), несомненно, относятся проблемы, связанные с этнической собственностью на землю. Основоположник СЕИ Э. С. Кульпин неоднократно указывал на необходимость интенсивного ис-

следования данного круга вопросов. По его мнению, каждый этнос, проживающий в своем вмещающем ландшафте, обладает естественным правом на этот ландшафт. Несоблюдение данного права неминуемо приводит к появлению или обострению конфликтных ситуаций¹. Изучение многочисленных происходящих в разных регионах мира межнациональных и межконфессиональных конфликтов с точки зрения этнической собственности на землю способно, на наш взгляд, принести весьма ценные результаты. Не исключено, что многие из этих конфликтов возникли именно вследствие нарушения прав определенных этносов на их ландшафты. Если это действительно так, социоестественные исследования, возможно, помогут найти пути прекращения многих межэтнических столкновений и уменьшения количества горячих точек на планете.

Одним из самых давних и вместе с тем самых опасных очагов напряженности в современном мире является Кашмир. Кашмирский вопрос по сути представляет собой целый клубок различных, но тесно переплетенных проблем: политических, экономических, межконфессиональных и межнациональных. Не связана ли по крайней мере часть этих проблем с попранием вышеуказанного принципа – принципа естественного права этноса на вмещающий ландшафт? Ответ на этот вопрос до сих пор не найден, притом что важность такого ответа трудно переоценить. Исходной точкой его поисков, несомненно, должен быть анализ истоков современной кашмирской проблемы.

Возникновение кашмирского вопроса часто связывают с разделом Британской Индии в 1947 г., однако в действительности корни его лежат глубже. Почва для будущего конфликта была подготовлена политикой, проводившейся в регионе Великобританией в XIX в. Результатом этой политики было создание княжества Джамму и Кашмир – полунезависимого образования с индусским правителем и преимущественно мусульманским населением. Данный акт имел долговременные и весьма опасные последствия, о которых речь впереди. Пока же следует отметить, что непродуманность действий колониальных властей, нежелание учитывать

¹ См., например, работы Э. С. Кульпина и его коллег, в которых вопросы этнической собственности на землю исследовались в связи с проблемами репатриации крымских татар (Вяткин, Кульпин 1997; Кульпин 2012; 2014а; Кульпин, Мустафаев 2007; Мустафаев 2007).

особенности реальной этнокультурной обстановки имели и объективную причину: адекватное понимание этнических и этноконфессиональных проблем Кашмира было невозможно без знания его этнической истории, а уровень изученности последней в позапрошлом столетии был недостаточно высоким. В настоящее время мы имеем дело с совершенно иной ситуацией. За последние годы изучение этногенеза кашмирского народа сделало заметный шаг вперед². Благодаря этому этнические процессы, протекавшие в прошлом в Кашмирской долине, известны нам сегодня гораздо лучше, чем во времена британского колониализма. Из этого следует, что в настоящее время мы можем исследовать вопрос об истоках и сущности Кашмирского конфликта, находясь на принципиально новом уровне знаний.

* * *

Как показали новейшие исследования, современное население Кашмирской долины сформировалось в результате этнических процессов, начавшихся в XIII в. Пусковым механизмом этих процессов явилось завоевание Кашмира монголами в 1235 г. Оно привело к изменению существовавших дотоле политических границ и, в частности, к объединению в рамках одного политического целого значительной части прежнего Кашмирского государства и прилегающих к нему с севера и северо-запада горных районов Каракорума и Гиндукуша (Коган 2012а). Эти районы страдали от перенаселения и дефицита земли, в то время как Кашмир был опустошен продолжавшимися около полутора веков междоусобными войнами, и некоторые его области ко времени прихода монголов почти обезлюдели³. В подобных условиях политико-географические изменения XIII в. не могли не создать и создали благоприятную почву для массовых миграций (Он же 2014б). Эти миграции, по всей видимости, продолжались весь период монгольского владычества и завершились уже после его окончания – в образовавшемся в результате распада монгольского государства Чагатаидов Кашмирском султа-

² В частности, появились исследования, выполненные с использованием методологии СЕИ (Коган 2011а; 2011б; 2014а; 2014б; 2015).

³ Подробнее о ситуации в Кашмире в XI–XII вв., характеризуемой как социально-экологический кризис, см.: Коган 2011б.

нате⁴. Следствием массовой иммиграции была смена этнического состава населения, а также языка, культуры, типа хозяйства и преобладающей религии. Последнее обстоятельство объясняется тем, что местное население Кашмирской долины исповедовало индуизм и буддизм, в то время как прибывавшие в регион переселенцы были приверженцами ислама.

Есть основания полагать, что уже в XVI в. этническая и конфессиональная ситуация в Кашмире в целом не отличалась от таковой в XIX–XX вв. (Коган 2015). Подавляющее большинство жителей составляли кашмирцы-мусульмане – потомки гиндукушских и каракорумских горцев, смешавшихся с перешедшими в ислам местными жителями⁵, а также с довольно многочисленными выходцами из Средней Азии, Ирана и нынешнего Афганистана, в разное время оседавшими на территории Кашмирского султаната. Наиболее значимым меньшинством являлись сравнительно немногочисленные потомки доисламского (и домонгольского) населения Кашмирской долины, сохранившие религию предков – индуизм. Известные как *кашмирские индусы*, *кашмирские пандиты* или *кашмирские брахманы*, они проживали дисперсно небольшими сообществами, преимущественно в городах.

Различие в религии фактически гарантировало сохранение этой группы, являясь непреодолимой преградой для ее ассимиляции окружающим мусульманским населением. Необходимым условием полной ассимиляции одного этноса другим, как известно, является массовая метисация через смешанные браки. В случае с кашмирскими пандитами это должны были быть браки между представителями разных религий. Однако для последователя индуизма межконфессиональный брак принципиально недопустим. Иноверец в глазах индуса – человек, находящийся вне кастовой системы, су-

⁴ О политических событиях, предшествовавших образованию Кашмирского султаната, см.: Коган 2012б.

⁵ На тот факт, что часть местных жителей Кашмирской долины, приняв в позднем Средневековье ислам, вошла как компонент в состав кашмирцев-мусульман, указывает распространение среди последних ряда фамилий, восходящих к кастовым и этническим названиям домусульманского Кашмира и характерных также и для кашмирских индусов (Madan 1972). Степень распространенности таких фамилий, впрочем, не следует преувеличивать: их носители составляют меньшинство среди мусульманского населения.

щество еще более низкого ранга, чем даже неприкасаемый⁶. Исключалась и инкорпорация в свою среду новообращенных из окружающего населения. Индуизм неслучайно называют непрозелитической религией: членом касты, а следовательно, и индуистом нельзя стать, а можно только родиться.

Вследствие строгой эндогамии кашмирские индусы не могли быть напрямую затронуты этногенетическими процессами, протекавшими в эпоху монгольского владычества и раннего султаната. Поэтому их, по всей видимости, следует рассматривать как самостоятельный реликтовый этнос⁷. Данное обстоятельство заставляет нас трактовать отношения между мусульманской и индусской общинами в Кашмирской долине не только как межконфессиональные, но и как межэтнические. Вместе с тем даже весьма значительная внутриобщинная замкнутость не избавила кашмирских брахманов от влияния мусульманской культуры⁸, а также от языковой ассимиляции: язык окружающего населения стал использоваться в качестве обиходно-разговорного. В XIX–XX вв. индусской общине выпало сыграть весьма неоднозначную роль в истории Кашмира и в конечном итоге оказаться, пожалуй, главной жертвой внутрикашмирского межконфессионального конфликта.

В конце XVI в. Кашмир был завоеван Великими Моголами и полностью утратил политическую самостоятельность. В течение последующих двух с половиной столетий он последовательно входил в состав трех империй: могольской (1587–1753 гг.), афганской

⁶ Даже во второй половине XX в. кашмирские индусы, являвшиеся практически поголовно брахманами по касте, нередко видели в мусульманах ритуально нечистых существ, по возможности избегали физического контакта с ними, не принимали приготовленную ими пищу (Madan 1972).

⁷ Следует также отметить, что этот этнос, не меняя территории обитания, проживал фактически в условиях диаспоры. Социальные антропологи отмечали резкие отличия кашмирских индусов от окружающего населения не только в области религии, но и в социальной организации (*Idem* 1965; 1972). Утверждалось даже, что для кашмирского общества было характерно наличие не одного, а двух общественных строев (*Idem* 1972). Особенности общественного устройства, несомненно, напрямую связаны с тем, что в социоестественной истории называется представлениями людей о мире и о себе и считается важнейшей характеристикой этнической системы (Кульпин 1996; 2014б).

⁸ Оно проявилось, в частности, в широком распространении в их среде персидского литературного языка. По-персидски сочинялись даже гимны индусским божествам (Bamzai 1973).

(1753–1819 гг.) и сикхской (1819–1846 гг.). Хотя периоды господства этих государств традиционно рассматриваются историками по отдельности, с точки зрения СЕИ есть основания объединить их в одну эпоху, поскольку все они характеризуются некоторыми идентичными природными и социально-экономическими процессами.

К первым относится похолодание климата. Владычество Великих Моголов (а также конец эпохи султаната) пришлось на время, известное среди климатологов как Малый ледниковый период. Согласно климатической реконструкции, сделанной коллективом швейцарских и немецких ученых по дендроклиматическим данным для прилегающих к Кашмиру горных областей Каракорума (Esper *et al.* 2002), похолодание в регионе достигло пика во второй половине XV – XVII в. Для следующего, XVIII столетия характерен тренд в сторону потепления, однако температуры все еще остаются заметно ниже современных. Ухудшение климатических условий не могло не оказать пагубного воздействия на сельское хозяйство, в частности на его основную отрасль – рисоводство. Возделывание риса, культуры весьма теплолюбивой, должно было стать рискованным, а количество неурожайных лет – существенно возрасти. Не случайно именно со второй половины XVI в. число упоминаний о неурожаях в нарративных источниках увеличивается в разы.

Одной из наиболее значимых социально-экономических тенденций, характерных для могольской и афганской эпох, был рост налогового бремени, в частности поземельного налога. Последний вплоть до конца XIX в. собирался в Кашмире натурой, прежде всего зерном. В начале периода султаната он составлял 1/6 урожая, непосредственно перед могольским вторжением – более 1/3, а после завоевания был установлен в размере 1/3 для зерновых, убираемых осенью⁹ (Коган 2014а; Рагми 1969). В дальнейшем величина поземельного налога не раз менялась и в конечном итоге была зафиксирована на уровне 50 % урожая (Кав 2001)¹⁰. Такой же она официально оставалась при афганском и сикхском владычестве (*Ibid.*; Sethi 1995). Таким образом, по сравнению с эпохой раннего

⁹ К последним относится и рис.

¹⁰ Официальная норма поземельного налога в половину урожая в позднемогольский период была характерна для всей империи (Алаев и др. 1968).

султаната налоговое бремя возросло как минимум втрое. В действительности же рост был, вероятно всего, гораздо более значительным: из-за злоупотреблений местных чиновников, особенно участвовавших при поздних Моголах и афганцах, крестьянин вынужден был отдавать намного больше зерна, чем требовалось от него по закону (Кав 1996; 2001).

Поскольку поземельный налог в Кашмире собирался зерном, его величина имела непосредственное отношение к продовольственной безопасности. Непомерно высокие поборы лишали крестьянина возможности запастись продовольствием на случай неурожая. В условиях существенного похолодания климата и, как следствие, частых неурожайных годов это фактически означало полную незащищенность земледельца перед капризами погоды. Каждый неурожайный год должен был оборачиваться для кашмирцев массовым голодом¹¹. Документы могольского, афганского и сикхского времени достаточно последовательно фиксируют голодные годы, что позволяет нам составить адекватное представление о масштабах поразившего страну продовольственного кризиса. Свидетельства нарративных источников можно кратко суммировать в виде приводимой ниже табл. 1.

Как видно из таблицы, число голодовок в XVII–XVIII вв. было в разы больше, чем в предшествующий период, причем нередко они продолжались несколько лет подряд. Есть все основания полагать, что к середине XIX в. обнищание кашмирского крестьянства (то есть подавляющего большинства жителей Кашмира) достигло невиданного прежде уровня.

Таблица 1

Голодные годы в Кашмире в XV – первой половине XIX в.¹²

Век	Голодные годы	Общее число голодных лет
1	2	3
XV	1460	1
XVI	1534, 1576, 1577, 1578, 1597	5

¹¹ Действие данного механизма, включающего природный (климатические изменения) и экономический (налоги) факторы, скорее всего, было причиной голодовок и в более ранний период кашмирской истории – в эпоху султаната. Подробнее см.: Коган 2014а.

¹² Данные заимствованы из работ: Кав 2001; Sethi 1995.

Окончание табл. 1

1	2	3
XVII	1603, 1604, 1640, 1642, 1643, 1651, 1664–1665, 1677–1678	8
XVIII	1706, 1713, 1723–1724, 2 голодных года в период с 1725 по 1737 г., 1745–1746, 1748, 1755, 1764–1765, 1771–1772 гг., 1 голодный год в период с 1772 по 1776 г., 1 голодный год в период с 1788 по 1793 г.	12
первая половина XIX	1801, 1805, 1815, 1831, 1832, 1833	6

В эпоху владычества сикхов (1819–1846 гг.) бедственное положение большей части населения временами отягощалось гонениями по религиозному признаку, ущемлением сикхскими наместниками прав мусульманского большинства. В г. Сринагаре была закрыта соборная мечеть, по всей Кашмирской долине ввели запрет на убой коров (Sethi 1995). Впрочем, к концу периода сикхского господства ситуация, по-видимому, изменилась. Последние два наместника Кашмира были мусульманами¹³, и при их правлении былая конфессиональная дискриминация должна была де-факто сойти на нет. В дальнейшем она, однако, возобновилась, причем в беспрецедентных масштабах. Случилось это после судьбоносных для региона событий середины XIX в., ознаменовавших начало нового, возможно, самого драматического периода кашмирской истории.

* * *

В 1846 г. сикхское государство проиграло войну Британской Ост-Индской компании. Официальным завершением этой войны, вошедшей в историю как Первая англо-сикхская, был договор, подписанный 9 марта того же года в г. Лахоре правителем сикхов махараджей Далип Сингхом и генерал-губернатором Индии сэром Генри Гардинжем. Данный договор лишил сикхскую монархию

¹³ Шейх Гулям Мохиуддин (1841–1846 гг.) и шейх Имамуддин (1846 г.).

ряда территорий и фактически превращал ее из самостоятельного государства в полузависимое. Кроме того, сикхи должны были выплатить британцам контрибуцию в размере 15 млн рупий. Вскоре, однако, выяснилось, что последнее условие не может быть выполнено в полной мере, поскольку военная кампания изрядно истощила сикхскую казну. Поэтому было решено заменить уплату части требуемых денег территориальными уступками. В числе областей, переданных сикхами Британской Ост-Индской компании, была и Кашмирская долина. Вскоре, однако, она была отдана англичанами под управление радже гималайского княжества Джамму Гулаб Сингху (1822–1857 гг.)¹⁴. Передача была осуществлена на основании одной из статей соглашения между раджей и компанией¹⁵ после выплаты Гулаб Сингхом денежной суммы в размере 7,5 млн рупий. Заключение этого соглашения ознаменовало создание нового княжества – Джамму и Кашмир, правитель которого носил титул махараджи.

Тот факт, что Гулаб Сингх получил Кашмир фактически на основании договора купли-продажи, имел далекоидущие последствия. В течение следующего столетия эта область воспринималась правителями Джамму как законно приобретенное частное владение, по отношению к которому они обладали полной, ничем не ограниченной свободой действий (Wani 1997). Махараджа был объявлен единственным земельным собственником в Кашмирской долине. Это означало лишение крестьянства права частной собственности на землю, которым до того оно обладало веками¹⁶. Ни-

¹⁴ Княжество Джамму со столицей в одноименном городе первоначально охватывало ряд территорий к югу и юго-западу от Кашмирской долины. В 1830-е гг., формально являясь вассалом сикхского государства, оно проводило экспансионистскую внешнюю политику и распространило свою власть на некоторые области в горах Каракорума и на западе Тибетского нагорья (Ладакх, Балтистан). После Первой англо-сикхской войны княжество фактически попало в сферу влияния Ост-Индской компании, хотя официально британцы признали его независимость.

¹⁵ Это соглашение, известное также как Амритсарский договор, было подписано в панджабском городе Амритсар ровно через неделю после заключения Лахорского договора – 16 марта 1846 г.

¹⁶ В эпоху могольского и афганского владычества значительная часть пахотных земель в Кашмире являлась частной собственностью земледельцев. Крестьянин имел право покупки и продажи земли, не мог быть согнан со своего надела. В случае, когда земля жаловалась правителем за службу, получатель такого пожалования (*джагирдар*) приобретал только пра-

где не было оговорено и право временного владения землей (Wani 1997). Кашмирский крестьянин превратился в бесправное существо, чье положение часто сравнивали с положением батрака. Нередко ему не позволялось даже принимать самостоятельные решения, касающиеся ведения хозяйства: время начала тех или иных сельскохозяйственных работ и структура посевов на каждом конкретном участке строго регламентировались правительственными чиновниками (Lawrence 1895).

Высокий уровень коррупции в административном аппарате способствовал небывалому росту налогового бремени. В общей сложности земледelec отдавал государству и коррумпированным чиновникам не менее 75 % собранного урожая (Wani 1997). Выше уже говорилось, что поземельный налог размером в 50 % урожая был для Кашмира непомерно высоким и мог поставить крестьянина на грань выживания. Учитывая этот факт, положение в кашмирской деревне середины и второй половины XIX в. нельзя не считать катастрофическим. Несмотря на то что пик похолодания климата был давно уже пройден и погодные условия стали более благоприятными, уровень жизни в сельской местности из-за увеличения поборов¹⁷ продолжал падать. Хищническая эксплуатация, непродуманная политика правительства и крайне несовершенная административная система стали одной из причин чудовищного голода 1877–1879 гг., в результате которого Кашмир потерял около 60 % своего населения¹⁸. Не менее обременительными, чем налоги, были для крестьян трудовые повинности (*бегар*), наиболее тяжелой из которых являлась переноска грузов по горным тропам в горах Гильгит на севере княжества. Этот вид бегара был необходим для снабжения находившегося в Гильгите большого британского гар-

во сбора поземельного налога, права же собственности и владения пахотными угодьями оставались у крестьян (Kaw 2001; 2008). Подобный порядок был, по всей видимости, характерен и для эпохи султаната (*Ibid.*).

¹⁷ Помимо поземельного, кашмирский крестьянин платил множество других налогов и сборов. В конце XIX в. их общее число доходило до 34 и включало, например, особый дополнительный налог, взимаемый в случае неурожая (Wani 1997).

¹⁸ Непосредственной причиной голода были дожди, погубившие урожай риса. Однако, как свидетельствует работавший в Кашмире чиновник британской колониальной администрации У. Лоуренс, значительную часть зерна можно было спасти, если бы крестьянам позволили раньше начать жатву. Поскольку этого сделано не было, урожай сгнил. Подробнее о голоде 1877–1879 гг. см.: Lawrence 1895: 213–218.

низона. Крестьян отрывали от сельскохозяйственных работ на 2–3 месяца, причем по истечении этого срока далеко не все возвращались домой: смертность от голода, эпидемий и суровых погодных условий была среди носильщиков огромной (Lawrence 1895; Wani 1997).

В специфических условиях княжества Джамму и Кашмир экономические и социальные проблемы были переплетены с межнациональными и межконфессиональными. На обширной территории, объединенной под властью Гулаб Сингха и управлявшейся его потомками, проживало более десятка этносов и исповедовались четыре религии – ислам, индуизм, сикхизм и буддизм. При этом, однако, наиболее крупной этнической группой были кашмирцы, а преобладающей религиозной общиной – мусульмане. В собственно Кашмире последние составляли более 93 % населения (Lawrence 1895). В подобной ситуации проблема обеспечения и поддержания межэтнической и межконфессиональной гармонии стояла со всей остротой. Данное обстоятельство, однако, не было осознано правящей верхушкой, из-за чего сложившиеся в княжестве и в особенности в Кашмирской долине отношения между этносами и конфессиями были крайне далеки от гармоничных. Они носили ярко выраженный иерархический характер, причем социальные лифты, которые могли бы позволить сколько-нибудь значительным группам населения повысить свой статус, практически отсутствовали. Махараджа и все высшие сановники были представителями народности *догра*, населявшей город и область Джамму. Они исповедовали индуизм и были чужды подавляющему большинству населения Кашмира по языку и культуре. Основная часть чиновников, в том числе налоговых, принадлежала к общине кашмирских индусов. Наиболее же многочисленные и вместе с тем наиболее угнетенные слои населения – крестьянство и ремесленники – состояли практически исключительно из кашмирцев-мусульман.

Следует сказать, что для кашмирских пандитов профессия чиновника стала традиционной еще в эпоху владычества Великих Моголов, а возможно, и ранее¹⁹, то есть, вне всякого сомнения, за-

¹⁹ Согласно легенде, широко распространенной среди кашмирских индусов, это произошло во времена султаната, точнее, в годы правления султана Зайн-аль-Абидина (1420–1470 гг.). Необходимо отметить, что хотя такая точка зрения принималась некоторыми уче-

долго до образования княжества Джамму и Кашмир. При афганцах влияние представителей индусской общины в госаппарате, по видимому, существенно усилилось. В частности, многие афганские наместники назначали индусов на пост *дивана* (главы провинциального налогового ведомства). К середине XIX в. процесс формирования прослойки пандитов-госслужащих должен был быть близким к завершению. После покупки Кашмирской долины Гулаб Сингхом эта прослойка стала главной опорой новых правителей и благодаря этому значительно усилила свое влияние. Каждый год, когда двор махараджи переезжал из Сринагара в Джамму, чтобы провести там осень и зиму²⁰, реальная власть над Кашмиром фактически переходила в руки чиновничества, почти поголовно состоявшего из представителей индусской общины (Lawrence 1895). Именно это чиновничество чинило произвол при сборе налогов²¹, и именно с его деятельностью простые кашмирцы связывали свое бедственное положение (*Ibid.*). Подобные настроения, несомненно, должны были усиливаться в голодные годы, когда злоупотребления принимали особенно одиозные формы. Так, в 1878 г. зерно, присланное правительством княжества для помощи голодающим, было разворовано госчиновниками и продавалось по спекулятивным ценам. По меткому выражению У. Лоуренса, «милосердие махараджи было превращено в источник прибыли» (*Ibid.*: 216).

Служба в госаппарате была самым распространенным, но не единственным источником дохода для кашмирских индусов. В рассматриваемый период заметное их число было так или иначе связано с сельским хозяйством. Такая ситуация была следствием практиковавшегося махараджами выделения земельных пожалований (*джагиров*). Большинство держателей таких пожалований (*джагирдаров*) являлось догрскими аристократами или кашмирскими пандитами. Последние составляли и основную часть обладателей *чаков* – участков неводеланной земли, выделявшихся государ-

ными XX в. (Madan 1965), в дошедших до нас исторических источниках она подтверждения не находит.

²⁰ Сринагар официально являлся летней столицей княжества, Джамму – зимней.

²¹ У. Лоуренс указывает, что все те немногочисленные служащие налогового ведомства, которые не допускали злоупотреблений и не занимались казнокрадством, были не кашмирскими пандитами, а выходцами из Джамму (Lawrence 1895: 400).

ством на льготных условиях (Wani 1997). Одна из разновидностей чака – *хануди* – предоставлялась исключительно индусам по религии (*Ibid.*). В результате к концу XIX в. в сельской местности сложился определенный слой пандитов-*чакдаров* (владельцев чак). Однако лишь небольшая часть представителей этого слоя обрабатывала свою землю самостоятельно. Как правило, чакдары, так же как и джагирдары, жили за счет эксплуатации земледельцев-мусульман. Подобное положение вещей не могло не вызвать неприязненное отношение к представителям индусской общины со стороны крестьян. Как справедливо отмечает современный индийский исследователь А. М. Вани, политика властей княжества посеяла семена межобщинной вражды, которые позднее дали всходы (*Ibid.*: 129). Положение усугублялось дискриминационными мерами, принятыми махараджей по отношению к мусульманскому большинству. Строжайшим образом был запрещен убой коров. Нарушителю грозила смерть, позднее замененная тюремным заключением. Все мусульманские обряды и церемонии облагались налогами. Кроме того, исповедовавшие ислам кашмирцы должны были платить особый сбор, шедший на содержание индусских храмов (*Ibid.*).

Все сказанное выше дает основания утверждать, что переход Кашмира под власть догрских махараджей привел к возникновению крайне опасной этнической ситуации. Право преобладающего этноса (кашмирцев-мусульман²²) на вмещающий ландшафт было грубейшим образом попрано, в то время как этническое меньшинство (кашмирские пандиты) выиграло от произошедших перемен и улучшило свое положение.

* * *

Ситуация в Кашмире, разумеется, не могла не попасть в поле зрения британских властей. Многочисленные английские визитеры неоднократно сообщали об истинном положении дел в долине. В их описаниях без прикрас демонстрировалась чудовищная несправедливость общественного устройства и ужасающие условия жизни большей части кашмирцев. Участь кашмирского крестьяни-

²² Следует еще раз подчеркнуть, что кашмирские мусульмане и кашмирские индусы могут рассматриваться не только как конфессиональные, но и как этнические группы (см. выше).

на сравнивалась с участью сибирского каторжника или раба на плантациях США и Вест-Индии (Wani 1997)²³. Колониальная администрация, несомненно, понимала, что сохранение подобного порядка вещей в течение долгого времени чревато социальным, межнациональным и межконфессиональным взрывом. Было очевидно и то, что непродуманная политика махараджей и произвол чиновников являлись причиной обострения кризиса в кашмирской экономике. Частые случаи отрыва крестьян от сельскохозяйственных работ для отработки бегара, массовое бегство сельских жителей в поисках лучшей доли в города, в другие районы Индии, а иногда и за ее пределы²⁴, депопуляция вследствие голода и эпидемий привели к резкому сокращению площади обрабатываемых земель и значительному уменьшению производства зерна (*Ibid.*). Это напрямую затрагивало интересы англо-индийского правительства, поскольку производимым в Кашмире продовольствием снабжались находившиеся в княжестве колониальные войска.

К 1880-м гг. правящие круги Британской Индии осознали необходимость проведения в Джамму и Кашмире хозяйственных и административных реформ. Разработать программу таких реформ и убедить махараджу в их полезности и важности было поручено высокопоставленному служащему колониальной администрации Эндрю Уингейту, командированному в княжество в 1887 г. Тщательно изучив обстановку, Уингейт предложил ряд шагов по улучшению системы землевладения и землепользования. Эти шаги включали, в частности, официальное признание за крестьянами права наследственного владения землей, а также ее продажи и передачи в залог²⁵. Местная правящая верхушка и налоговые чинов-

²³ Одно из подобных высказываний, на наш взгляд, есть смысл процитировать в оригинале: «It is true that we sold Cashmere to the late Goolab Singh; but we surely did not sell its people into slavery. And we have no doubt that in the worst days of the Slave Trade, the condition of Negroes of the West Indian sugar and cotton plantations, each of the Southern states of America, was very much better than the lot of the Cashmerees has been and still seems to be» (цит. по: Wani 1997: 157). Эти слова были опубликованы в одной из англоязычных индийских газет в 1866 г. Если учесть, что память о рабстве в южных штатах США была в это время еще вполне свежа, можно предположить, что автор приведенной цитаты писал не без знания дела.

²⁴ В рассматриваемый период значительные группы переселенцев из Кашмира появились даже в Непале (*Ibid.*).

²⁵ При этом, однако, продажу и передачу в залог земли представителям несельскохозяйственного населения предлагалось допускать только после официального разрешения специально назначенных для этих целей чиновников (*Ibid.*).

ники отнеслись к предложениям Уингейта крайне негативно и даже смогли настроить против них часть крестьянства (Wani 1997), в результате чего они остались нереализованными.

Это, однако, не остановило британские власти, и вскоре они предприняли новую попытку склонить махараджу к реформам. Преемником Э. Уингейта стал Уолтер Лоуренс, отправленный в Кашмир в 1889 г. Взяв за основу пакет мер, предложенный своим предшественником, он вместе с тем отказался от реализации некоторых из них. В частности, согласно Лоуренсу, крестьяне должны были получить право наследственного владения землей без права продажи и залога. Это ограничение должно было воспрепятствовать концентрации сельскохозяйственных угодий в руках богатых землевладельцев и чиновников (Lawrence 1895). Заручившись поддержкой британского резидента²⁶, с одной стороны, и сельских жителей – с другой, Лоуренс смог добиться осуществления намеченных преобразований. Результатом этих преобразований стало заметное улучшение положения значительной части крестьянства. Был упразднен целый ряд налогов и сборов, отменена откупная система (*Ibid.*). Начался постепенный процесс отмены бегара²⁷. Наиболее тяжелая и уродливая его форма ушла в прошлое после строительства в 1890-е гг. военной дороги на Гильгит. Поскольку перевозку грузов по дороге можно было осуществлять при помощи вьючных животных, потребность в носильщиках практически отпала. Официально регулярная отработка бегара была упразднена в 1900 г., хотя в экстренных случаях принудительный труд крестьян использовался и в более позднее время (Wani 1997).

Реформы У. Лоуренса, однако, отнюдь не решили всех проблем кашмирской деревни. В некоторых важных аспектах они остались незавершенными, а кроме того, коснулись далеко не всех сельских жителей. Так, право наследственного владения землей получили

²⁶ В 1889 г. махараджа Джамму и Кашмира Пратап Сингх был отстранен от власти. Управление княжеством на время было передано Государственному совету, куда входили два брата махараджи, два чиновника из общины кашмирских пандитов и представитель британской колониальной администрации – резидент. Реальная власть находилась в руках последнего.

²⁷ У. Лоуренс был сторонником полной отмены бегара, однако полагал, что ее следует осуществлять постепенно, поскольку в случае немедленного упразднения трудовых повинностей их пришлось бы заменить непосильным для крестьян налогом (Wani 1997).

чакдары и джагирдары, но не работавшие на них крестьяне. Последние фактически остались на положении батраков. Поскольку, как уже говорилось, джагиры и чаки, как правило, не принадлежали представителям преобладающего этноса, следует признать, что проблема этнической собственности на землю и после реформ продолжала стоять со всей остротой.

Кроме того, предоставление земледельцам права владения считалось многими кашмирцами недостаточной мерой. Уже в первой четверти XX в. все чаще начинают звучать призывы ввести в княжестве частную собственность на землю. Первоначально эти призывы исходили преимущественно от крупных землевладельцев, надеявшихся, что наличие права покупки и продажи позволит им приобрести больше сельхозугодий и таким образом усилить свое экономическое влияние. Впоследствии, однако, требование признать крестьян собственниками земли было подхвачено участниками набравшего силу национально-освободительного движения. 19 октября 1931 г. махарадже Хари Сингху был представлен меморандум, подписанный десятью мусульманскими лидерами²⁸. В нем прямо указывалось на необходимость восстановления отнятого у сельских жителей Кашмира в 1846 г. права земельной собственности.

Представлению меморандума предшествовали несколько месяцев чрезвычайно напряженной политической обстановки. 13 июля 1931 г. в ходе массовых антиправительственных выступлений в Сринагаре был убит 21 человек. По столице прокатилась волна индусских погромов. Понимая взрывоопасность сложившейся в княжестве ситуации, махараджа создал комиссию, целью которой было выяснение причин недовольства подданных-мусульман и поиск возможных путей улучшения их положения. Возглавил ее Б. Дж. Глэнси, служащий политического департамента правительства Британской Индии. Отчет о работе комиссии, опубликованный в апреле 1932 г., содержал целый ряд рекомендаций. Среди них меры по распространению образования среди мусульманского населения,

²⁸ В их числе был шейх Мухаммад Абдулла, основавший в октябре 1932 г. партию «Мусульманская конференция» (с 1939 г. – «Национальная конференция»). Эта крупнейшая политическая партия Дхамму и Кашмира возглавила национально-освободительную борьбу в княжестве.

упрощение процедуры приема мусульман на государственную службу, возвращение мусульманским общинам культовых сооружений, до того находившихся в собственности государства (Bazaz 1954). Наиболее важная рекомендация касалась земельного вопроса. Согласно ей все крестьянские хозяйства, обладавшие правом владения землей, должны быть объявлены собственниками своих земельных наделов с правом их продажи и залога. При этом за сельскохозяйственным населением предлагалось закрепить преимущественное право приобретения земли, с тем чтобы не допустить скупки сельхозугодий лицами, не занимающимися сельским хозяйством (Wani 1997).

Предложения комиссии Глэнси были приняты махараджей, и в апреле 1933 г. в Кашмирской долине была введена частная собственность на землю. С этого времени монарх перестал являться единоличным владельцем земельных ресурсов. Важность данного события трудно переоценить: оно знаменовало начало процесса возвращения преобладающему в Кашмире этносу права на вмещающий ландшафт. Процесс этот, однако, был все еще далек от завершения. Главными бенефициарами произошедших экономических изменений оказались крупные землевладельцы, весьма значительная часть которых была дограми или кашмирскими пандитами. Как и во времена реформ У. Лоуренса, перемены совершенно не коснулись крестьян, работавших на землях джагирдаров и чакдаров. По всей видимости, махараджа, считая владельцев чаков и джагиров своей социальной опорой, попросту не хотел затрагивать их интересы. Измениться эта ситуация могла лишь в результате коренной трансформации политической и экономической системы княжества.

Такая трансформация началась после бурных событий, последовавших за разделом Британской Индии в ночь с 14 на 15 августа 1947 г. Как известно, махараджа Хари Сингх медлил с решением о вхождении в состав какого-либо из новообразованных государств – Индии или Пакистана. 21 августа 1947 г. в княжество с пакистанской территории вторглось пуштунское ополчение, что заставило Хари Сингха обратиться за помощью к индийскому правительству и 5 дней спустя объявить о присоединении к Индии. Вооруженные

столкновения в Джамму и Кашмире вскоре переросли в полномасштабную индо-пакистанскую войну с участием регулярной армии с обеих сторон. Результатом этой войны была оккупация Пакистаном трети территории княжества. Кашмирская долина при этом осталась целиком и полностью под индийским управлением. В районах, подконтрольных Индии, до 1952 г. формально сохранялось правление махараджи²⁹, однако реальная власть уже в 1947 г. перешла в руки шейха Мухаммада Абдуллы, возглавившего партию «Национальная конференция». На рубеже 1940-х и 1950-х гг. новые власти провели в Кашмире радикальную аграрную реформу. Специальные указы 1948 и 1951 гг. положили конец системе джигиров и чакгов. 7 октября 1950 г. был обнаружен акт о ликвидации крупного землевладения. В соответствии с ним был установлен верхний потолок размера земельного участка в 22,75 акра. В случае если площадь надела превышала данную величину, излишки земли экспроприировались и передавались малоземельным крестьянам³⁰. В результате этих мер собственниками пахотных угодий стали главным образом представители преобладающей этнической группы – кашмирцы-мусульмане. Последние явились и главной опорой правящей партии. Таким образом, есть основания утверждать, что в середине XX в. кашмирский мусульманский этнос восстановил естественное право на свой вмещающий ландшафт.

* * *

В течение четырех последующих десятилетий Кашмир оставался очагом напряженности. Однако происходившие вокруг него события относились прежде всего к сфере международной политики, в частности к индо-пакистанским отношениям³¹, и не были напря-

²⁹ 21 августа 1952 г. монархия была упразднена, а княжество Джамму и Кашмир преобразовано в штат.

³⁰ Экспроприация коснулась в общей сложности 9 тыс. землевладельцев в Кашмире и Джамму. Около 200 тыс. крестьян получили 230 тыс. акров земли (подробнее см.: Wani 1997, там же даются ссылки на первоисточники).

³¹ Пакистан, изначально созданный как государство южноазиатских мусульман, с самого момента своего появления предъявлял претензии на Кашмирскую долину, единственный значительный по площади и населению регион Индии с мусульманским большинством. Это превратило Кашмир в яблоко раздора между двумя странами. В 1947–1948, 1965 и 1971 гг. индо-пакистанский территориальный спор принимал характер открытого военного столкно-

мую связаны с проблемами этнической собственности на землю. Вместе с тем сохранявшаяся неопределенность статуса Джамму и Кашмира должна была влиять на настроения в кашмирском обществе. В условиях постоянной угрозы со стороны Пакистана и поддержки последним кашмирских сепаратистских организаций индийские власти нередко прибегали к политике «закручивания гаек», де-факто урезая официально предоставленную штату широкую автономию³². Это, в свою очередь, не могло не вселять в широкие массы кашмирцев неуверенность в завтрашнем дне, опасения (причем в значительной мере подсознательные) утраты тех приобретений, которые были получены ими после установления нового порядка на рубеже 1940-х и 1950-х гг. Поскольку эти приобретения, включая главное из них – превращение преобладающего этноса в основного собственника земли, были результатом многолетней национально-освободительной борьбы, они имели в глазах народа огромную ценность, и коллективное ощущение угрозы их потери, несомненно, работало как дестабилизирующий фактор.

С другой стороны, в новой обстановке, сложившейся в результате хозяйственных и политических изменений середины XX в., Кашмир столкнулся с новыми социально-экономическими, демографическими и экологическими вызовами. Аграрная реформа привела к некоторому повышению уровня благосостояния крестьян и положила конец массовому голоду. В условиях сугубо аграрного общества это вызвало значительное ускорение темпов роста населения. Демографический взрыв, которому немало способствовало также снижение смертности от эпидемий благодаря успехам медицины, продолжался в штате всю вторую половину минувшего столетия³³. Все это время быстро росло и антропогенное давление на

вения. Ни одна из этих войн не закончилась успехом для пакистанской стороны. Подробнее о кашмирском конфликте см., например: Белокреницкий и др. 2003.

³² В Кашмире неоднократно вводилось президентское правление. Признанный народный лидер шейх Мухаммад Абдулла провел в общей сложности 11 лет в индийской тюрьме по обвинению в сепаратизме.

³³ Даже в период с 1991 по 2001 г. население Джамму и Кашмира увеличивалось примерно на 2,9 % в год (Khan 2007), что делало этот штат одним из лидеров по темпам демографического роста в Индии.

землю, крайне опасное в условиях горной области с ограниченными земельными ресурсами. В этот же период на сельское хозяйство Кашмирской долины пагубно воздействовали климатические изменения. Усиленное таяние горных ледников и уменьшение количества выпадающего в зимние месяцы снега создали проблему дефицита воды для ирригации и, как следствие, привели к упадку рисоводства³⁴. Падение производства основной продовольственной культуры и увеличение доли малоземельных и безземельных крестьян вследствие демографического роста явились мощными факторами вытеснения их из сферы сельского хозяйства. Ввиду весьма низкого уровня индустриализации штата основная часть избыточной деревенской рабочей силы не могла быть абсорбирована промышленностью, что вызвало рост социальной напряженности.

Совместное действие двух названных факторов – эколого-демографического и психологического – все более превращало Джамму и Кашмир в подобие пороховой бочки. Роль фитиля, поджегшего эту бочку, сыграл политический кризис конца 1980-х гг. В 1987 г. в штате состоялись выборы в законодательное собрание. Мусульманские организации обвинили правящую партию «Национальная конференция» в фальсификации результатов. По штату прокатилась волна беспорядков, что побудило центральное правительство в 1990 г. ввести в Кашмире прямое президентское правление. Однако ни это, ни размещение в регионе большого контингента индийских войск не ослабило напряженности, а, напротив, привело к ее эскалации³⁵. У целого ряда мусульманских партий появились боевые крылья, развернувшие террористическую деятельность. В число боевиков охотно вступала безработная молодежь. Участие в бандформированиях обеспечивало ей повышение уровня жизни: кашмирские моджахеды щедро финансировались не только Пакистаном, но и арабскими нефтяными монархиями.

³⁴ Более детально вопрос о природных, демографических и социально-экономических факторах, приведших к развитию кризисной ситуации в современном Кашмире, рассматривается нами в статье: Коган, Костовска 2013.

³⁵ Подробнее см., например: Шаумян 1999.

Одной из главных жертв вспыхнувших в штате волнений стали кашмирские пандиты. Насилие на религиозной почве, нередко принимавшее характер массовых убийств, и прямые угрозы со стороны террористов вызвали поголовную эмиграцию индусского населения из Кашмира. К концу 1990 г. практически все пандиты переселились в округ Джамму, в Пенджаб, а также в Дели и другие крупные города Индии, в результате чего Кашмирская долина превратилась в моноконфессиональную территорию.

Не будет преувеличением сказать, что 1987 г. был одной из поворотных дат в истории Кашмира. Эта дата знаменовала вступление региона в новый период нестабильности, продолжающийся по сей день. Его характерная особенность состоит в том, что главным фактором напряженности в Кашмирской долине стал местный сепаратизм, оттеснивший на второй план международный аспект проблемы – индо-пакистанский территориальный спор³⁶. Обсуждение путей выхода из этой новой фазы кашмирского кризиса остается за тематическими рамками данной статьи. Что же касается причин возникновения нынешней кризисной ситуации, то можно с немалой долей уверенности сказать, что ее генезис едва ли можно напрямую связывать с проблемой этнической собственности на землю. Как было показано выше, эта проблема перестала быть актуальной уже в середине XX в. Сегодня можно говорить лишь о своеобразных рудиментах ее былого существования, лежащих в сфере коллективной психологии.

Литература

Алаев, Л. Б., Антонова, К. А., Ашрафян, К. З. (ред.). 1968. *История Индии в средние века*. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит.-ры.

Белокреницкий, В. Я., Москаленко, В. Н., Шаумян, Т. Л. 2003. *Южная Азия в мировой политике*. М.: Международные отношения.

Вяткин, А. Р., Кульпин, Э. С. (ред.). 1997. *Крымские татары: проблемы репатриации*. М.: Ин-т востоковедения РАН.

³⁶ Показательно, что в среде сепаратистов весьма популярна идея создания в Кашмире независимого исламского государства.

Коган, А. И.

2011а. Трансформация культуры и технология основного хозяйственного процесса в Кашмирской долине в VIII–XIX вв. *История и современность 1*: 114–128.

2011б. Социально-экологический кризис в Кашмире в XI–XII веках. В: Кульпин-Губайдуллин, Э. С. (ред.), *Природа и общество: общее и особенное. Сб. материалов XXI международной конференции «Человек и природа. Проблемы социоестественной истории»* (с. 105–127). М.: ИАЦ «Энергия».

2012а. Кашмир и его соседи в XII–XIII вв. В: Кульпин-Губайдуллин, Э. С. (ред.), *Человек и природа в пространстве и времени. Серия «Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России»: сб. материалов международной конференции «Человек и природа. Проблемы социоестественной истории»*. Судак (Украина), 24–28 сентября 2012 г. Вып. XXXVI (с. 110–115). М.: ИАЦ «Энергия».

2012б. Еще раз о монгольских завоеваниях и монгольском владычестве в Кашмире (окончание). *История и современность 2*: 75–92.

2014а. Некоторые проблемы истории Кашмирского султаната. *История и современность 1*: 87–108.

2014б. Кашмир и его соседи в XII–XIII веках. *Восток (Oriens) 4*: 37–47.

2015. Некоторые проблемы истории Кашмирского султаната (окончание). *История и современность 1*: 81–98.

Коган, А. И., Костовска, С. К. 2013. Природа, хозяйство и общество в Кашмире: оценка и прогнозы. *Природа и общество в процессах взаимодействия* (с. 162–167). М.: ИАЦ «Энергия».

Кульпин, Э. С.

1996. *Бифуркация Запад – Восток*. М.: Московский лицей.

2012. Национальные цели крымских татар. *Вопросы развития Крыма. Научно-практический дискуссионно-аналитический сборник*. Вып. 16. *Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы* (с. 328–333). Симферополь: СОНАТ.

2014а. *Крымские татары и вызовы XXI века*: сб. ст. Симферополь: ИТ «Ариал».

2014б. *Социоестественная история: от метода к теории, от теории к практике*. Волгоград: Учитель.

Кульпин, Э. С., Мустафаев, Ш. У. 2007. Крым: проблема собственности на природные ресурсы. *История и современность 2*: 216–218.

Мустафаев, Ш. У. 2007. Некоторые моменты этногенеза крымских татар. *История и современность* 1: 204–211.

Шаумян, Т. Л. 1999. Спор вокруг Кашмира. В: Белокреницкий, В. Я. (ред.), *Южная Азия: конфликты и геополитика* (с. 102–134). М.: ИВ РАН.

Bamzai, P. N. K. 1973. *A History of Kashmir, Political, Social, Cultural from the Earliest Times to the Present Day*. New Delhi: Metropolitan Book Co. (Pvt.) Ltd.

Bazaz, P. N. 1954. *The History of Struggle for Freedom in Kashmir Cultural and Political from the Earliest Times to the Present Day*. Kotli, Mubarakpur, New Delhi: Kashmir Publishing Company.

Esper, J., Schweingruber, F. H., Winiger, M. 2002. 1300 Years of Climatic History for Western Central Asia Inferred from Tree-rings. *The Holocene* 12(3): 267–277.

Kaw, M. A.

1996. Famines in Kashmir, 1585–1819: The Policy of the Mughal and Afghan Rulers. *The Indian Economic and Social History Review* 33(1): 59–68.

2001. *The Agrarian System of Kashmir, 1586–1819 A.D.* Srinagar: Aiman Publications.

2008. Land Rights in Rural Kashmir: A Study in Continuity and Change from Late Sixteenth to Late Twentieth Centuries. In Aparna Rao (ed.), *The Valley of Kashmir: The Making and Unmaking of a Composite Culture?* (pp. 207–233). Delhi: Manohar.

Khan, A. R. 2007. *Geography of Jammu & Kashmir*. Srinagar: Gulshan Books.

Lawrence, W. R. 1895. *The Valley of Kashmir*. London.

Madan, T. N.

1965. *Family and Kinship: a Study of the Pandits of Rural Kashmir*. London: Asia Publishing House.

1972. Religious Ideology in a Plural Society: The Muslims and Hindus of Kashmir. *Contributions to Indian Sociology* 6(1): 106–141.

Parmu, R. K. 1969. *A History of Muslim Rule in Kashmir, 1320–1819*. Delhi: People's Publishing House.

Sethi, H. 1995. *Kashmir Valley from End of Afghan Rule till its Sale to Dogra Gulab Singh*. A Thesis Submitted to Ch. Charan Singh University, Meerut for the Degree of Doctor of Philosophy in History. Meerut. URL: <http://shodhganga.inflibnet.ac.in/handle/10603/23834>.

Wani, A. M. 1997. *Agrarian Structure of Kashmir 1846 to 1947*. A Thesis Submitted for the Award of the Degree of Doctor of Philosophy in History. Faculty of Social Sciences, University of Srinagar. Srinagar. URL: <http://shodhganga.inflibnet.ac.in/handle/10603/33000>.